ПРЕТЕНДЕНТ

НА БЕСТСЕЛЛЕР!

АЛИСА БЯЛЬСКАЯ

ОПЫТ БОРЬБЫ С УДУШЬЕМ

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б99

Оформление серии *Петра Петрова*

Бяльская, Алиса.

Б99 Опыт борьбы с удушьем / Алиса Бяльская. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Претендент на бестселлер!).

ISBN 978-5-04-089954-8

Точная, веселая и правдивая до жестокости книга Алисы Бяльской «Опыт борьбы с удушьем» затрагивает те стороны советской жизни, о которых молчали тогда и почти не говорят сейчас, — бега, тайные игорные салоны, организованные известными актерами, артели художников, которые расписывали среднеазиатские сельсоветы и детские сады... Младший научный сотрудник, предприимчивый любитель dolce vita Савелий, он же Сева, он же Бяша, стремясь к свободе, придумывает аферу за аферой и никак не вписывается в узкие рамки своего времени. Книга Алисы Бяльской — о том, как мы ищем свободу, пользуемся и злоупотребляем ею; об эксперименте, в котором невольно приняли участие все советские граждане, и о любви Севы и Жени единственном, что помогает им выжить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089954-8

© Бяльская А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!
А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом...

Да, видно, нельзя никак...

Осип Мандельштам

Глава 1
КУШ КЕЛИБСЫЗ!

1

Первого апреля 1976 года в Ташкенте стояла необыкновенная жара. Солнце палило нещадно, и, выйдя из здания аэропорта «Ташкент Южный» на улицу, Сева тут же вспотел. Он снял пальто и с удовольствием оглядел залитую солнцем площадь. Надпись кириллицей на растянутом над площадью огромном транспаранте гласила: «Куш келибсыз!»

В Ташкенте он до этого никогда не бывал, не знал здесь ни одного человека и не имел ни одного адреса, по которому можно было обратиться. Однако, как и все остальные жители страны, он знал — зайди в любую пивную, и тебе скажут: «Ташкент — город хлебный». Тут перед ним остановилось такси. «Чем черт не шутит, — решил Сева, — проверим, может, народ не врет».

Город ему сразу понравился. Красиво. Климат замечательный. Первое апреля, в Москве немногим больше нуля и мокрый снег, а здесь теплынь. Сказка.

— Куда едем? — прервал течение его мысли водитель.

— В гостиницу.

— Какую гостиницу? У нас большой город, у нас очень много гостиниц. Куда хотите?

— В лучшую гостиницу, — с нажимом сказал Сева.

— Какая лучшая гостиница? У нас есть «Ташкент» и новая гостиница «Узбекистан».

— Какая считается самой лучшей?

— Конечно, новая гостиница «Узбекистан».

— Тогда поехали в «Узбекистан». Да, кстати, что такое «куш келибсыз»?

— «Добро пожаловать» будет.

Сева не ожидал, что гостиница «Узбекистан» окажется двадцатиэтажным современным зданием из стекла и бетона. «Человек, остановившийся в такой гостинице, должен производить впечатление полного материального благополучия», — удовлетворенно подумал Сева и легкой пружинящей походкой направился к окошку администратора. Он, разумеется, знал, что «мест нет», это даже и спрашивать не надо было.

— Меня зовут Савелий Матвеевич Бялый, я приехал из Москвы. Мне, пожалуйста, номер. Хороший.

Администратор удивилась такой просьбе и, оценив костюм, представительный вид и московский выговор неожиданного гостя, решила все-таки разобраться, в чем тут дело.

— Покажите ваши документы, пожалуйста.

Сева вложил в паспорт пятьдесят рублей и протянул ей в окошко.

— Ну, как документы, в порядке? — спросил он.

— Да, нормальные документы, — ответила администратор, забирая купюру. — Не фантастические, не какие-то особенные, но вполне нормальные документы, чтобы получить одноместный номер.

Поднявшись в номер, Сева принял душ, поменял рубашку, обрызгал себя одеколоном и спустился в ресторан. Белые скатерти, накрахмаленные салфетки, запах хорошей и дорогой еды, тихая приятная музыка, как всегда, привели Севу в хорошее настроение.

— Мне узбекский стол, пожалуйста, — улыбнулся он миловидной девушке-официантке. — Шашлык, плов, лагман, что еще?

— Еще манты и салат. Будете?

— Давайте манты тоже, и салатик. И бутылочку водки, будьте любезны.

Выпивая и закусывая, Сева ждал, что будет дальше. Что-нибудь обязательно должно произойти, он

знал точно. Юноше тридцать два года, пьет и ест не по-детски, костюм, галстук, прическа на косой пробор, золотые очки, тихо обедает в ресторане гостиницы «Узбекистан», а вокруг ни одного европейского лица.

Ждать пришлось недолго, через десять минут к нему подошла женщина-метрдотель, представилась.

— Так мало у нас здесь бывает приличных людей. Вы из Москвы, вероятно? — спросила она.

— Да, из Москвы.

— А кто вы, чем занимаетесь?

— Я художник. Вот приехал первый раз в Ташкент, за новыми впечатлениями. Но знаете, я здесь несколько часов, а уже чувствую себя как дома. Я никого в городе не знаю пока, поэтому и обедаю один.

Она ушла, но через несколько минут подошла еще раз.

— Вон там, в отдельном кабинете, сидят две женщины, очень приличные женщины, не подумайте чего, не какие-то там. Вы на них произвели благоприятное впечатление, и они с удовольствием составят вам компанию.

— Я весьма польщен, — произнес Сева, самодовольно подумав про себя: «Еще бы». — Конечно, пусть пересядут ко мне.

— Нет, они к вам не пойдут. Вы можете присоединиться к ним.

Лейла и Динара на самом деле оказались интеллигентными узбекскими женщинами, обе на несколько лет старше Севы. Он прикинул, что обеим было слегка за сорок, хотя сказать было сложно, восточные женщины старятся быстрее. Лейла работала в международной редакции радио Ташкента, Динара, в прошлом балерина, была теперь хореографом в Ташкентском театре оперы и балета. Они тут же взяли покровительство над московским гостем и начали обсуждать, с кем из художников, писателей и музыкантов стоит познакомить его в первую очередь. «Главное, ввязаться в бой, а там видно будет», — это-

му девизу Наполеона Сева неукоснительно следовал всю свою сознательную жизнь. Приехав с планами завоевать этот город и не зная здесь ни одного человека, через несколько дней с помощью Лейлы и Динары он перезнакомился со всей художественной элитой Ташкента. Лейла сияла от гордости, потчуя своих друзей Савелием Бялым, и он не разочаровывал — тактично, в меру флиртовал с хозяйкой, обсуждал московские сплетни с ее мужем, шутил, смеялся, сыпал историями.

Узнавать новых людей, очаровывать и завоевывать, находиться в центре внимания, конечно, было приятно и даже в некотором смысле льстило его самолюбию, но Сева приехал в Узбекистан с конкретной целью и до сих пор мало продвинулся в нужном ему направлении.

Пока суд да дело, Сева изучал Ташкент, который, как и любой восточный город, состоял из двух четко разделенных частей: новой и старой. Новый город, выросший буквально на пустом месте после страшного землетрясения тысяча девятьсот шестьдесят шестого года, уничтожившего весь центр, мало чем отличался от обычных советских городов. Разве что, несмотря на типовую архитектуру, дома были не серыми, как почти везде в стране, а разноцветными: розовыми, желтыми, бежевыми и даже красными.

Особенно нравились Севе люди: спокойные, улыбчивые, доброжелательные, не похожие на вечно мрачных и раздраженных москвичей. Многие горожане были одеты по-европейски, но большинство узбеков предпочитали национальные костюмы. Гулял Сева и по кривым улочкам старого города, захаживал в чайханы. Он представлял себе, что попал в шестнадцатый век, что он герой книг Кортеса или Кабеса де Вака, завоеватель в побежденной стране, из которой надо постараться выкачать материальные блага: конкистадор Савелий Бялый. На каждом углу жарили шашлыки, готовили плов — и над городом витал густой, пряный запах специй. Есть на бегу Сева не любил, и он искал место, где можно было расслабиться,

спокойно посидеть и отведать национальные блюда, приготовленные прямо при тебе. На границе старого и нового города, на задах только что построенного нового современного здания, он обнаружил свалку, рассеченную пополам протекающим по дну грязным ручейком. По обеим сторонам ручья узбечки в куйнаках и шароварах жарили шашлык и варили шурпу на открытом огне. Едоки сидели на старых сломанных ящиках, ногами по щиколотку в глине. Место это в городе называлось Яма. Вкуснее того, что готовили там, Сева больше нигде и никогда не ел. Он практически поселился в Яме на неделю.

— ...Не представляю себе, что ты находишь в этой Яме. Убожество и антисанитария. Попробуй-ка вот это, там тебе такого не подадут. — Лейла протянула ему высокий запотевший стакан с белым пенистым напитком.

Они сидели на открытой террасе ее дома, перед ними на столе стояли пиалы с урюком, кишмишем, фисташками, миндалем и джиду. Дом был полон гостей.

— Что это, кумыс? — Кумыс Сева пробовал, и он ему не понравился.

— Нет, — ответила Лейла, — это наш узбекский айран со специями. Вкусно, полезно и утоляет жажду.

— Интересно, похож на мацони, только не такой густой. Я мацони с детства люблю. — Сева закурил и оглядел гостей. — Уф, я уже устал от интеллигенции. Я в Москве-то от них устал, специально вот в Ташкент уехал. Мне бы что-нибудь попроще, люди дела, понимаешь меня?

Лейла задумалась.

— Завтра открывается кинофестиваль стран Азии и Африки, я работаю на нем переводчицей. В рамках фестиваля будет закрытый показ нового индийского фильма на даче у Рашидова.

— Ты имеешь в виду Шарафа Рашидовича Рашидова, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана? — удивленно спросил Сева.

— А ты знаешь другого Рашидова? Конечно, его. Меня позвали туда переводить.

— Ого! Смотри, какие у тебя связи, оказывается, в номенклатурной среде.

— Все-таки я — единственный синхронный переводчик с хинди в Ташкенте, — с гордостью проговорила Лейла. — Могу устроить тебе пропуск. У Рашидова обязательно будут хозяйственники.

Через пару дней поехали на показ на даче Рашидова. Сева смотрел во все глаза, запоминал детали. В подобных местах он никогда до этого не бывал. Вокруг дачи ограждение, КПП, правительственная связь, комитетская охрана — все как положено. Лейла пошла на свое место переводить, а Сева направился в небольшой, мест на двести, зрительный зал.

Фильм начался. В первых же кадрах самолет, на котором летели главные герои, потерпел крушение и упал в горах. Героиня, красивая смуглая девушка в разноцветном сари, бросилась в пляс и запела от радости, что осталась жива. Из сугроба выскочил главный герой и присоединился к ней. Народ поодиночке потянулся из зала. Сева, который сюда не кино приехал смотреть, тоже вышел погулять в кулуарах.

Дача Рашидова была скорее похожа на дворец падишаха, чем на собственность партийного функционера. Сквозь разноцветную витражную крышу на мраморный узорный пол падали лучи солнца. В центре зала бил фонтан. В отдельном зале был накрыт огромный стол, после сеанса гостей во главе с самим Рашидовым ожидал банкет. Пока же вокруг них вились красавицы-официантки с канапе и прохладительными напитками. В сад с экзотическими деревьями и гуляющими по дорожкам павлинами никто из гостей не выходил, все старались держаться поближе к залу, чтобы сразу было видно, кто вошел, кто вышел. Случайных людей на показе у Рашидова быть не могло, поэтому люди осматривали друг друга оценивающе.

Коренастый коротышка с блестящей на солнце лысиной остановился рядом с Савелием. Заметив за венецианским с пола до потолка окном гуляющего в саду павлина, он схватил Севу за локоть.

— Вот это да! Вы видели?

— Ну да. Павлин, — спокойно ответил Сева.

— Да, ну и дачка у Шарафа Рашидовича! Живут же люди. Просто коммунизм в действии.

— Даже по меркам Политбюро она высоко котируется, — значительно кивнул Сева. — Хотя дело вкуса... Вот, например, вы бывали на даче у Микояна?

— Нет. — Коротышка смотрел на Савелия с уважением, поскольку понимал, что Савелий как раз на даче Микояна бывал.

— Вот это просто готический замок. И даже здание кухни двухэтажное, тоже в готическом стиле.

На даче Микояна Сева, конечно, никогда не был, однако читал изданные в самиздате воспоминания Аллилуевой.

— Кстати, о кухне. Вы знаете, что здесь на даче две кухни, одна — узбекская, там и тандыр, и все что положено для приготовления национальных блюд. А рядом — европейская, — эту информацию Сева получил от Лейлы по дороге на дачу.

— Настоящий тандыр? Да что вы! — Севин собеседник удивлялся все больше.

— А какой там лес вокруг! — закатил глаза Сева. — Я про дачу Микояна. Хотя надо сразу сказать, что касается лесных угодий, то тут на первом месте, безусловно, Устинов.

— Маршал Устинов?

— Конечно. Он же страстный охотник. Для него лес — это все. Какой лесище, и какой дичи там только нет! Сам Леонид Ильич часто к нему приезжает поохотиться. Вы охотитесь?

— Я? Нет, не приходилось. Ой, да что же мы, — протянул руку коротышка. — Разрешите представиться, Виктор Викторович Ким, замминистра плодоовощного хозяйства.

— Бялый Савелий Матвеевич. Из Москвы, — весомо сказал Сева.

— Надо обязательно повидаться. Вы еще долго у нас будете?

— Какое-то время еще, да. Я живу в гостинице «Узбекистан».

— Значит, успеем встретиться, поговорить. Вот мои координаты.

Скоро Сева уже имел на руках телефоны нескольких перспективных товарищей. Самым плодотворным оказалось знакомство с Аликом Шварцем, заместителем министра строительства. На банкете после окончания фильма они успели только обменяться парой слов, но сразу понравились друг другу. Шварц был всего несколькими годами старше Севы, крупный полный мужчина с умными живыми глазами и утопающим в складках жира подбородком. По аппетиту, с которым он набрасывался на рашидовские угощения, было ясно, что чревоугодие является главной страстью его жизни. Сева, всегда полагающийся на свою интуицию и умение читать людей, понял, что Шварц именно тот человек, которого он искал.

На следующее утро он пришел к Шварцу в кабинет в высотном здании Министерства строительства, сразу же перешел на «ты» и раскрыл свои карты.

— Алик, я понимаю, что у тебя нормальная зарплата, но уверен, ты сам знаешь, — этого мало. Что ты воруешь и берешь взятки, написано у тебя на физиономии. Но я дам тебе больше.

— И сколько? — спросил Алик насмешливо, однако смотрел на Севу серьезно и даже подался немного вперед.

Сева удовлетворенно откинулся в кресле. Приятно иметь дело с понимающим человеком.

— Пока сказать не могу. Но объясняю тебе, Алик, как товарищу, — очень много. Все остальное, что там у тебя сейчас, это будут копейки по сравнению с тем, что предлагаю тебе я.

— Секундочку, подожди. Не хочу говорить о делах в кабинете. — Алик по селектору соединился с секре-

таршей: «Людочка, я уезжаю по важному делу. Сегодня больше не вернусь. Все встречи перенесите на завтра», — и тут же набрал другой номер: «Томочка, я еду домой с ответственным руководителем из Москвы. Позаботься об обеде, пожалуйста».

После обеда они переместились в кабинет. Жена Алика подала мужчинам кофе и вышла, закрыв за собой дверь. Они приступили к деловой части.

— Итак, чем я занимаюсь? Я работаю в Художественном фонде, и в мою задачу входит продать различным предприятиям как можно больше художественной продукции. Система у нас советская, за художественную пропаганду только хвалят и вешают на Доску почета. Так что в политическом смысле тут все совершенно правомерно. И, более того, приветствуется. У тебя в твоем бюджете есть определенная статья именно на подобную деятельность, следовательно, деньги ты можешь тратить на совершенно законных основаниях. Понятно?

— Пока да. Но о чем конкретно идет речь? Какие работы ты можешь выполнять?

— Если это будет, например, школа — мы ее художественно оформим. То есть распишем стены композициями с правильным идейно-художественным содержанием. Большая картина в актовом зале на патриотическую тему. Дальше портреты по классам.

— Какие портреты?

— Все известные узбеки, которые что-либо внесли в науку и литературу. И таджики заодно. Кроме того, русские и советские ученые, деятели искусства и исторические персонажи. Все на высочайшем художественном уровне, это я гарантирую. При входе в школу будет стоять бюст, вероятно, Ленина. Я — специалист в этой области, все будет оформлено в едином ключе в зависимости от объекта, будь это школа, зона отдыха, клуб или заводская столовая. Вот так приблизительно.

— Что я конкретно должен делать? — спросил Алик.